

нію, занимаемому Россією близь полюса, и по климату—континентальному, въ высшей степени суровому, и по совершенной беззащитности для нападений со всѣхъ сторонь.—Хочетъ ли Толстой разрушить это государство, уговаривая не подчиняться законамъ и требованіямъ его, такъ какъ законы этого государства противорѣчатъ будто-бы закону Божію, а требованія его идутъ въ разрѣзъ съ требованіями совѣсти, утверждая, слѣдовательно, будто наше государство и безбожно и безсовѣстно!

Но направивъ всѣ свои таланты на разрушеніе русскаго государства, этого созданія русскаго православнаго народа, стоившаго народу такихъ тяжкихъ трудовъ,—смѣетъ-ли Толстой, вскормленный русскимъ народомъ, называть себя русскимъ? Если-бы Толстой при своемъ авторитетѣ обратился къ Царю съ просьбой не помиловать убійцъ его отца, съ которой онъ обратился къ Александру III-му, а собрать два съѣзда ученыхъ, о которыхъ говорилось выше, для дѣла регуляціи (управленія) текущимъ въ видахъ возстановленія протекшаго, для дѣла, состоящаго въ обращеніи смертоносной силы въ живоносную,—его послушали—бы *) и во всякомъ случаѣ подвергли-бы обсужденію такую его просьбу; а этимъ было-бы внесено дѣйствительное умиротвореніе, оно прекратило-бы и безумства расхोдившейся интеллигенціи и вызванныя этими преступными безумствами, какъ необходимое имъ противодѣйствіе, казни, которыми такъ будто бы возмущается Толстой, называя ихъ ужасными преступленіями законовъ божескихъ и человѣческихъ. Но, на сколько искренно это возмущеніе Толстого, видно изъ того, что, называя правительственныя казни ужасными преступленіями, онъ умалчиваетъ о дѣйствительныхъ кровавыхъ преступленіяхъ, на которыя казни являются лишь отвѣтомъ, умалчиваетъ о дѣйствительныхъ преступленіяхъ, отъ которыхъ погибаетъ несравненно большее количество людей, чѣмъ отъ казней! И что сдѣлало Толстому государство, противъ котораго онъ дышитъ такою ненавистью? Не благодаря-ли государственному устройству онъ прожилъ всю жизнь свою, какъ сыръ въ маслѣ? И какъ не пойметъ Толстой, что разрушеніе государства повлечетъ множество смертей, несравненно большее число убійствъ и казней, чѣмъ то, что совершается въ настоящее время. На страницѣ 438-й „Философіи Общаго Дѣла“, въ статьѣ, написанной въ 1902 году, говорится: „Толстой не хочетъ видѣть, намѣренно игнорируетъ, что вся жизнь человѣческаго рода есть взаимное истребленіе, и старается онъ скрыть это отъ себя и другихъ только для того, чтобы сдѣлать властителей убійцами, чтобы имъ только приписать убійство; т. е. Толстой хочетъ всѣхъ увѣрить въ томъ, что въ дѣйствительности какъ разъ наоборотъ, ибо власть возникла именно для ограниченія взаимной вражды, взаимной борьбы, взаимнаго истребленія, что и исполняло и исполняетъ по мѣрѣ силъ и возможности. Если же были и бывають злоупотребленія властью, то безъ власти люди, находящіеся въ розни, ничѣмъ не объединенныя,—слѣдовательно, не достигшіе еще совершеннолѣтія, давно уже

*) Насъ, конечно, не послушаютъ, и чтобы вразумить тѣхъ, въ чьихъ рукахъ правленіе государствомъ, нужны, повидимому, страшныя бѣдствія, передъ которыми о блѣднѣетъ и японскій погромъ и всѣ бунты, бывшія на Руси, до послѣдней революціи включительно, а также и голодовки, обратившіяся въ хроническое бѣдствіе.